

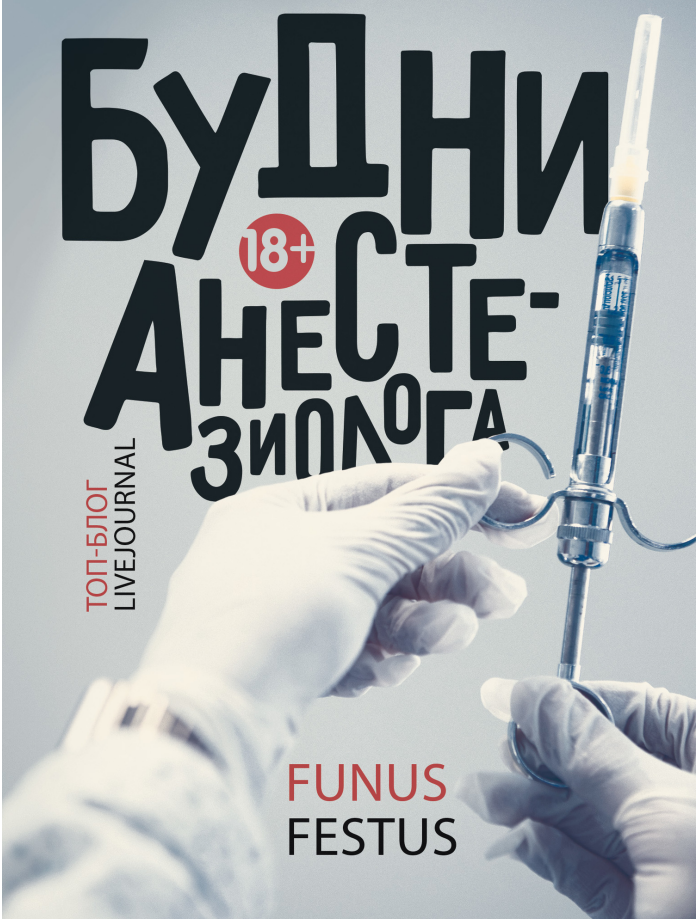

АЛЕКСАНДР ИВАНОВ

БУДНИ 18+ СТЕ- АНЕСТЕ- ЗИОЛОГА

ТОП-БЛОГ
LIVEJOURNAL

FUNUS
FESTUS

Александр Е. Иванов
Будни анестезиолога
Серия «Звезда соцсети»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38625843

Иванов, Александр. Будни анестезиолога: АСТ; Москва; 2019

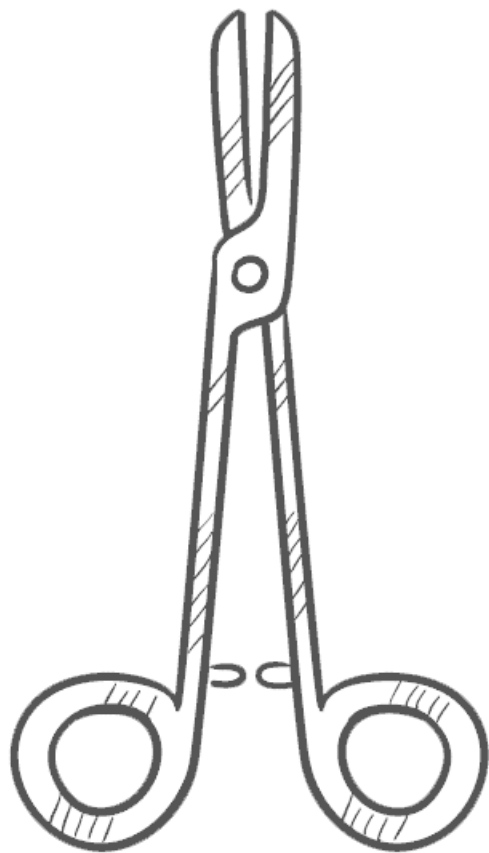
ISBN 978-5-17-110250-0

Аннотация

«Будни анестезиолога» – это сборник коротких рассказов из практики врачей неотложной медицины. Истории фантастически-абсурдные, уморительные до колик в животе, честные до головной боли и просто искренние и трогательные. Здесь собраны истории о тех, кто работая в нездоровом графике спасает чужие здоровье и жизнь. Есть ли жизнь после анестезии, любовь после операции, смех после шунтирования, радость после колоноскопии, слезы после сотрясения? Да чего только нет в нашей жизни и в жизни врачей – героев, у которых вместо медалей бирки с именем на халате. **[i]Книга содержит нецензурную брань.[/i]**

Содержание

Вместо предисловия	6
Часть 1	7
Первый медицинский институт	7
Сварщик	12
Кислород	15
История дырки	18
Неукротимость белого человека. Гений	21
Мокрота на ВК	29
Боря	31
Порхов	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр Иванов

Будни анестезиолога

© Иванов А. Е., текст

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Вместо предисловия

Всем известно, что вылизывает себе кот, когда ему нечем заняться. Природа не подарила нашему позвоночнику такой гибкости и лишила человечества возможности заниматься этим простым и приятным делом. Поэтому, когда у человека появилось время, свободное от добывания и переваривания пищи, он стал придумывать, чем скрасить свой досуг. В этих поисках ему пришлось развивать интеллект и, как следствие этого, заняться творчеством, искусством, наукой, в частности научиться писать и читать. В этом я вижу основную причину прогресса человечества, хотя большинство из наших занятий по своей пользе и смыслу не многим превосходит то дело, которым занимается такое животное, как кот. Для тех, у кого такое свободное время есть, одно из таких занятий могу предложить. А именно – книжку, сборник коротких рассказов из практики врачей неотложной медицины. Все истории, даже если покажутся вам фантастическими, имели место в действительности. Описанные персонажи реальны, совпадение имен и географических координат случайно.

Часть 1

Первый медицинский институт

Случилось то, о чем мечтал со школьных лет. И не скажу, что рад этому событию. Наконец-то закончил свое тесное общение с пенсионным фондом и, как бы сказали в ветхозаветные времена, выхлопотал себе пенсию. Однажды, сидя на дежурстве, подсчитал, что набралось у меня трудового стажа 30 лет. Стаж идет у нас год за полтора в связи с вредными условиями труда, а если учесть, что к каждому году еще прибавляется три месяца за работу на селе, то давно уже больше. Видимо, на селе вредность выше. И долго бы еще не вспомнил, что пора оформлять пенсию, но времена настают смутные, нашу сельскую богадельню могут вообще закрыть в связи с идущей по стране оптимизацией здравоохранения или могут просто сократить. Пусть пенсия смешная, чуть больше, чем стоят мои два дежурства, но к ней есть бонусы, например бесплатный вход в Эрмитаж, а по выходным можно бесплатно зайти в ЦПКО. С утра билеты в баню по смешной цене, пусть я в баню и не хожу. Налоги можно не платить за квартиру, за дачный участок. Да и за машину тоже, правда, если только ее мощность меньше 160 л.с. У меня меньше. Жаль, а я думал с пенсии «Ягуар» купить. Скидка на проезд,

хотя муниципальным транспортом я все равно не пользуюсь и в электричках не езжу. Но главное в статусе пенсионера – это возможность послать начальство в задницу, если заговорят о сокращении, пусть увольняют, непрерывный трудовой стаж тебе больше не нужен. Какой-никакой, а постоянный доход у тебя будет, и костлявая рука голодной смерти не так страшна, месяца два-три от дистрофии ты не умрешь.

Печально, что в пенсионном удостоверении не напишут о том, что пенсия льготная, начислена за стаж работы или по за выслуге лет, так нет, пишут: «по старости». Хотя понятно, в России есть всего три повода получить пенсию: по старости, по инвалидности и в связи с потерей кормильца. Инвалидности, слава богу нет, кормильцев не терял (если только считать кормильцами наших больных, но они не в счет), остается один вариант – старость. Обидно, какая тут старость, если еще спокойно можешь после выпитого литра водки сделать все, что обычному человеку хочется после этого сделать, ну например, заехать кому-нибудь в морду. Только вот почему-то все реже хочется делать и то и другое, как говорится, в 50 с небольшим ты не способен на то, что в 20 с большим. Наверное, это и есть старость? Или ее незаметное начало. Это только в рекламе какого-то пенсионного фонда спрашивали: «А каким пенсионером хотел бы ты стать?» И дальше шла куча идиотских неологизмов: ты можешь стать танционером, спортционером. И показывали старичков, тан-

цующих с бабушками и играющих в баскетбол. Чушь, каким бы ты ни хотел стать пенсионером, судьба у тебя одна – станешь ты старым пердуанером.

Коллеги на работе отнеслись к моим намерениям в отношении пенсии по-разному. Успевшие оформить, тем, кому хватало стажа, торопили: «Давай-давай, пенсионный возраст вот-вот поднимут, а всякие досрочные пенсии отнимут наверняка». Завидовали те, кому стажа не хватало. Один знакомый коллега-грузин возмущался: «Да на какую пенсию ты собрался? Тебе еще пахать и пахать! Вон бабушка моя, еще жива, она до девяноста лет анестезиологом работала, на все сложные случаи ее до самого конца из дома вызывали. С детства помню ее вопрос по телефону, когда звонили с работы: “Сколько?” Я все время думал, что она спрашивает про возраст пациента или там про его вес. Не, она спрашивала, сколько ей заплатят. А потом кричала, что я за эти деньги свою жопу со стула не подниму. Всю жизнь брала деньги с больных, со всех. Только один раз в жизни не взяла денег – со своего мужа. То есть с моего дедушки. Он потом сразу после операции умер. Взяла бы – все было бы нормально».

Но главное, сам почему-то боялся: вот соберу все документы, соберу все выписки и справки, а дело это хлопотное, приду в пенсионный фонд, начну говорить, что вот, по закону мне пенсия положена, стаж уже достаточный, а меня спросят: «Хочешь получать пенсию? А что ты, лично ты, полезного сделал для пенсионного фонда? Чем ты занимаешь-

ся, какая от тебя для него польза?» И что я отвечу? Отвечу, что бабушек лечу, ровесниц Октября. А мне ответят: «Так от тебя фонду только одни убытки, нет уж, иди, работай, пусть этим бабушкам с твоих пенсионных отчислений пенсию и платят, а ты подумай над вопросом, как пенсионному фонду денег сэкономить. Придумаешь – приходи». Придумывать тут нечего, как на одном полузакрытом совещании в комитете по здравоохранению выразился один наш известный государственный деятель, сказав, что у гражданина России должна быть одна обязанность, – умереть сразу после выхода на пенсию. Лучше не скажешь. Жаль, фраза не попала в официальный отчет для прессы, разошлась только в записи благодаря тем, кто догадался на совещании включить диктофон, чтобы дома прослушать речь еще раз и не пропустить ни капли государственной мудрости, вытекающей с трибуны.

Но решился, пошел в отдел кадров за справками. В кадрах отнеслись с пониманием, даже выдали под расписку и под честное слово трудовую книжку. Давно не держал ее в руках, лет двадцать. Сижу, изучаю. Первая страница – образование: среднее, указана профессия: не имеет. И наверное, думаю, это правильно, какое у меня образование? Дай бог среднее. Школа и ликбез под названием «Первый медицинский институт». А профессия? На второй странице запись, что принят на работу бетонщиком второго разряда. Вот надо было на ней и остановиться. Так нет, далее идут разные специаль-

ности: просто грузчик, грузчик-экспедитор, сторож. Ближе к концу, перед вкладышем, мелькает что-то связанное с медициной: фельдшер, «палатная медсестра». Почему-то написано вместо «палатная» – «платная». Снова грузчик, работал, учась в институте – грузчикам в советские времена больше платили. Высшее достижение в одной из строительных специальностей: каменщик третьего разряда. И резкий рывок из грузчиков во врачи, без всякого перерыва на учебу. Хотя нет, после должности грузчика транспортного отдела есть запись: принят в институт и отчислен в связи с окончанием. И ничего, работаем, претворяем в жизнь ленинский лозунг, что у нас каждая кухарка может практически все. И всего две записи о месте работы в качестве врача. Врач «Скорой помощи» и врач анестезиолог-реаниматолог отделения реанимации. Не густо. Даже когда окончательно выйду на пенсию, не о чем будет и написать в мемуарах.

Попробуем вспомнить, с чего все началось.

Сварщик

День, когда сдал последний вступительный экзамен в институт. Списки зачисленных должны были вывесить через неделю, но набранных 22 балла должно хватить, четыре экзамена плюс средний балл аттестата. Помню, вечером оказался я на платформе 67-й километр с двумя ведрами грибов. Присел на лавочку, жду электричку. Прицепился какой-то алкаш, стрельнул беломорину, начал разговор за жизнь:

– Ты молодой, ты иди сварщиком. Приходи ко мне в цех – научу. Всегда будешь с работой, всегда будешь при деньгах и при бабах.

– Да я вот только что в институт поступил, – и добавил с гордостью, – в медицинский.

– Ну ты и мудака, – ответил мужик, – пожалеешь.

Ну знал я, что классный сварщик заработать мог по тем временам неплохо, но при чем тут бабы? В общем, не прислушался я к совету, не задумался, пропустил. И наверное зря. Сегодня с утра стою один на балконе, курю. Внизу во дворе наш debilковатый водопроводчик из ТСЖ занялся ремонтом палисадника. Притащил сварочный аппарат, готовится. Сварщик из него такой же, как и я, хотя мне кроме прутьев арматуры ничего сваривать не приходилось. А тут работа тонкая – ограда. Эстетика. Одна секция вылетела накануне, когда на нее пытался присесть один сосед, перед

этим долго спавший в траве на газоне. Но председатель приказал, а для нашего сантехника, отставного майора, приказ – святое. Люблю смотреть, когда люди осваивают новое для себя дело, всегда ждешь интересного. Задержался. Водопротечник натянул брезентовую куртку, завязывает на голове тесемки шлема, примеряет ремни маски. Молодец, техника безопасности, но чувствуется, что оттягивает момент начала работы. Мимо идут две соседки, молодые мамы с колясками. Гуляют с детишками, попутно посасывая пиво.

– Ой, а что вы собираетесь делать?

– Не видите? Забор чинить!

– А мы подумали, вы к ролевой игре готовитесь, хотели предложить поучаствовать.

– Не мешайте, лучше отойдите, опасно!

Девчонки обиженные отходят в сторону. Вступаю в беседу:

– Девчонки, а хотите, сыграйте со мной, я азартный.

– А у вас что, тоже сварочный аппарат есть?

– Нет. Сварочного аппарата нет, есть бензопила. Есть болгарка. Если скучно – заходите.

– Не, мы хотели с Володей, со сварщиком. А костюм сварщика у вас есть?

– Нет, есть костюм Деда Мороза. Есть гидрокостюм, акваланг. Не подойдет?

– Не, не подойдет.

Интересно, почему именно со сварщиком? Почему не

подходит Дед Мороз? К тому же я моложе, а Володя не обращает на девчонок внимания, включает трансформатор, надевает маску. Удар – электрод намертво приваривается к забору. Учитывается ошибка, со второй попытки железный столбик забора разрезается пополам. Опять неудача. На третий раз попытка удачная, но не успевает мастер отойти в сторону, полюбоваться на труд, как секция от порыва ветра падает. Девчонки разочарованы и уходят окончательно:

– Плохой вы сварщик, Володя, не хотим мы с вами играть.

Кислород

Воспоминания об институтских временах не вызывают никакой ностальгии. Если случается пройти по территории своего бывшего института, значит, просто через институт ближе. Само собой, вспоминаешь те годы, когда смотришь вокруг: этого не было, а наоборот, тут что-то было, снесли. Смотрю, построена новая кислородная станция, не слишком ли близко к корпусу? Впрочем, не мое это дело. Естественно, вспоминается история.

В старые времена, когда кислород в клиники еще привозили в баллонах, хранились они в отдельных пристройках, и была самая лучшая в мире работа для студентов: кислородчик. Платили немного, но зато работа простая, утром открыть баллоны, вечером закрыть. Если есть операции по ночам, тебе звонят: открой баллон. Открываешь, спишь дальше. Но по ночам в институте оперируют редко. Естественно, на эту работу было не устроиться, и трое молодцев крепко держались за место. С утра открывали вентили, шли на занятия, вернувшись – закрывали. Собственно, то же самое я делаю сейчас совершенно бесплатно. Привозили и меняли им баллоны другие люди, профессионалы. Только однажды случилась вакансия, но вовремя не удалось устроиться, желающих хватало. Было так.

В работе имелось два недостатка: первый – нечем занять-

ся по вечерам. Интернета не было, телевизор притащить? Но в глубине двора он не словит ни один из тогдашних трех каналов. В результате ребята занимались промыслом. Один притащил вязальную машину, вязал на продажу свитера. Второй, имевший способность к шитью, кроил брюки, а третий, умелец-краснодеревщик, приволок токарный станок и вытачивал на нем изделия, почему-то чаще всего делал ручки для самоваров.

Второй минус – в пристройке не было водопровода и канализации и, соответственно, унитаза. На стенке висел ручной мойщик, помыть руки можно. А как делать остальное? Ходить по ночам на улицу? Отлить ночью можно, что и делали за углом пристройки, который почти развалился от сырости, смотрю, не починили до сих пор, а до ближайшего сортира в клинике пульмонологии далеко, метров 200. И в результате в каптерке стояло ведро, в народе – параша. Обычное ведро, уходя изволь вынести, промыть в ближайшей луже, приготовить для сменщика.

Ну и в один день дежурный, кажется вязальщик свитеров, нажравшись в дым, выделил из себя различных жидкостей, наполнив ведро до краев. И уснул на топчане. Главное, что уснул, мудила, с сигаретой в зубах. Задымился матрас, из окон клиники увидели дым. Пожар в кислородной это катастрофа, это же сейчас как пи...ет! Народ отскочил от окон, кто-то побежал в другой конец здания клиники, и только начмед, тетка или храбрая, или безбашенная, побежа-

ла в кислородную. И видит тлеющий матрас, видит спящего на нем работничка, начинает бороться с пожаром подручными средствами, а под рукой оказалось ведро с жидкостью, и естественно, этой жидкостью, то есть дерьмом обливает матрас, обливает спящего на нем студента и заодно себя. Стоял такой крик, такой мат, что случись взрыв, на сто процентов вокруг было бы тише. Парня гонят с глаз, мокрый, облитый дерьмом, в мороз топает домой. В метро, понятное дело, его не пускают. В итоге выгоняют с работы, не помню точно, с института погнали или нет. Хотя, кажется, нет закончил.

История дырки

Иногда притормаживаю у здания нефрокорпуса и, как всегда, смотрю вверх, на дырку в капитальной стене здания, на самом верху, никак не предусмотренную проектом. Но для нас это не просто дырка, для нас это память об учебе в институте. История дырки такова. Нефрокорпус института строился ударными темпами лет 20. Последнее, что помешало – московская Олимпиада восьмидесятого года, когда все силы и ресурсы были брошены на нее. Лет пять после никакого движения на стройке не было. Наконец в середине 1980-х встал вопрос: или достраивать, или снести, или ждать, когда недостроенный корпус сам развалится окончательно. Решили, что дешевле достроить. И нас, на шестом курсе, отправили не как положено студентам – убирать морковь, а на завершение стройки. На пару с другом Лехой выдали нам компрессор, пару отбойных молотков – работайте. Работа творческая, с утра заливали солянку, заводили компрессор, разворачивали шланги и приступали к удалению лишнего.

За годы строительства прогресс не стоял на месте, в проект новой клиники вносились изменения, что в сочетании с распиздяйством и высокой технической грамотностью строителей давало результаты. Поэтому работы для отбойного молотка за 20 лет накопилось достаточно. Так, кто-то решил на каждом отделении обустроить чудо техники: лифты для

подъема кормов из пищеблока. Маленькие такие лифты с узкой шахтой, на платформочку которых умещалась только тележка с кастрюльками. Удобно, по замыслу архитектора еда должна была носиться вверх-вниз по этажам, минуя общие пассажирские лифты. Каменщики в строгом соответствии с планом выложили на каждом этаже шахту, такую маленькую кладовочку, метр на метр, оставив вход в нее у самого пола, больше напоминающий леток улья. Но! Перекрытия между этажами как были сплошными по изначальному проекту, так и остались. Тут без отбойного молотка никак. И начали мы ломать эти бетонные плиты. Работа тяжелая, бетон за годы набрал прочность. Приходилось на карачках забираться в леток, напарник подавал молоток, и ты в темноте, в замкнутом пространстве, начинал бить отбойником в пол у себя под ногами, ожидая, что вот-вот – и плита провалится вниз, а ты повиснешь на страховочном тросе. К счастью, до этого не доходило: как только остатки плиты начинали раскачиваться, готовые рухнуть вниз, мы успевали выбираться и снаружи расхерачивали ее остатки. Для спасения от пыли и грохота в стенке шахты сбоку мы пробивали отверстие, куда и высывался ебальничек, дышать. В конце, перед тем как сдать работу прорабу Славику, дырка закладывалась кирпичами. Звук отбойника уносился вниз, резонируя где-то в подвале, рядом было почти тихо, но при этом из дыры в стене высывалась мелко вибрирующая рожа. Кто проходил мимо, смотрел на нее и думал: интересно, а чем это там занимается

человек в кладовочке? Дрочит? Так почему-то считали все и были не сильно далеки от истины.

Наконец мы добрались до чердака, где должен быть установлен моторчик лифта. Там было сложнее, требовалось что-то измерить, вырубить какие-то фигуры в полу. Но на чердаке темно и было лень искать провода, лампочки, проводить туда свет. Да и зачем, когда у тебя в руках отбойный молоток, а на компрессоре ты в нарушении правил безопасности поставил 8 атмосфер? И уже появился навык работы с отбойным молотком. Пять минут, и в капитальной стене проделано окошко. Главное было успеть его заложить кирпичами, пока не появился прораб. Прораб до вечера не появился, зато неожиданно появилась бригада белорусов-отделочников, которые снаружи обкладывали кафелем стены. Эстетика. Решив, что дыра – это так и надо, они аккуратно обложили ее плиткой. Закладывать дыру кирпичом было уже поздно. Славик, посмотрев на нее, достал чертеж, поставил на нем какую-то точку и махнул рукой: черт с ней, никто не заметит. С тех пор эта дыра так и осталась на ровной стене клиники, как память.

Неукротимость белого человека. Гений

Был у меня в институтские годы друг, ныне, естественно, покойный. Звали его Мишкой. Знакомы мы с ним были еще со школьных лет, оба в один год собирались поступать в медицинский, думали учиться вместе. Но почему-то он, окончив школу с золотой медалью, выбрал не Первый мед, а менее престижный Педиатрический институт. Институт он тоже закончил с красным дипломом, что при его памяти было не сложно. Был он ярким примером правдивости тезиса нашей РПЦ о бесовской сущности младенцев, зачатых во время поста. Судя по дате его рождения, зачат он был именно в те дни. В качестве повода для пьянки ему не хватало новогодних праздников, поэтому он умудрился еще и родиться 31 декабря, что отмечалось дополнительно. И была у него в связи с этим традиция: под Новый год или вскоре после него ломать длинную трубчатую кость. Желательно не просто кость, а в месте, где она образует сложный сустав. Голень, бедро, локоть. Один раз Новый год мы встречали вместе и как вместе с женами ни старались его уберечь от поступков, он умудрился практически на ровном месте сломать лодыжку. Это был, пожалуй, самый нетравматичный день его рождения за все последние 20 лет жизни. Но что интересно, кости срастались на нем замечательно быстро. После оскольча-

того перелома бедра, который без операции срастись не мог никак (сам видел снимки, когда нашел его в одной из больниц, куда он попал как неизвестный), через пару-тройку месяцев он уже бегал без костылей и без всякой операции. Оперировать его отказались. Каким-то образом он умудрился, лежа на скелетном вытяжении, напиться в хлам, хотя уверен – никто из знакомых спиртного ему не приносил. При этом пытался соблазнить дежурную медсестру, и попытка наверняка могла бы оказаться успешной, если бы вся конструкция из шины с противовесами не грохнулась на пол. Вместе с Мишкой и медсестрой. Бедро в месте перелома согнулось под углом, на крик прибежал дежурный врач, и моего друга, выведя в реанимации из шока, выписали за нарушение режима. Не иначе как травматолог сам подкатывал шары к этой медсестре. Загипсовали его от пятки до самой шеи и такого каменного гостя привезли домой, жене.

Помаявшись от безделья, лежа на кровати, а жена не приносила вожаденного продукта, и при этом еще уходя запирала снаружи дверь, чтобы пресечь контакты с друзьями, друг изобрел способ передвижения. Попросил жену купить костыли. Та, не подозревая неладного, приобрела. Способ был прост и гениален. Костыли были отпилены, укорочены наполовину, а к заднице ремнями привязывалась табуретка. Для снижения центра тяжести тоже с укороченными ножками. В таком полулежачем положении, с упором на короткие костылики, появилась возможность поступательного

движения. Обретенную свободу Мишка использовал сразу, но секрет ее обретения долго держался в тайне. Было понятно недоумение его супруги: как же так? Заперт в квартире, не мобилен, алкоголь принести никто не может, а каждый вечер пьян как скотина. Первое время раздражали ее звонки и громкие вопли по телефону: «Ты, сволочь, ему водки принес?» (Жена была родом с Кубани.) Вскоре сразу стал вешать трубку, надоело объяснять, что не заходил и не приносил.

Но все тайное становится явным. Как-то выхожу из метро на проспекте Просвещения, останавливаюсь закурить и вижу: проспект пересекает какая-то странная конструкция, вроде как человек на костылях, завернутый в одеяло, но почему-то очень маленького роста и на четырех ножках. И прыгает через дорогу в ближайший шалман. «Мишка!» – думаю, и точно он. Зашел в распивочную, а друг уже у прилавка, уже присосался к стакану со своей любимой «отверткой». Пришлось составить компанию, потом тащить домой, дома отобрать средства передвижения. Костыли отдал соседям с просьбой передать жене. Травматическая болезнь заразна, пока затаскивал каменное тело в лифт, сломал палец, но не идти же с такой мелочью, да еще и на кочерге в травмпункт, по пути в аптеке купил гипсовый бинт, дома сам наладил повязку. Тайной осталось только то, как он покидал запертую квартиру? Об этом он не сказал даже мне.

Но в одном покойный Мишка был гением: не задерживаясь за последние 10 лет ни на одной работе дольше полуго-

да, из которых большую часть времени тратил на оформление, умудрялся худо, но и не очень бедно содержать семью, пока она была, а уж по части добывания денег на спиртное в трудную минуту ему не было равных. Надо было записывать его способы, издать книгу: «Справочник профессионального алкоголика». Вот пара примеров.

Способ 1. Устаревший, имеет только историческую ценность, использовался во времена, когда не было сотовых телефонов и мобильной связи. Мишкин сосед был человеком состоятельным, директором довольно крупного питерского завода, но тоже пьющим. С похмелья на работу не шел и руководил предприятием по телефону. Телефон человеку был необходим. Перерезался телефонный провод, ведущий в его квартиру. Вскоре на пороге появлялся Мишка:

– Сосед, можно от тебя позвонить? Срочно, а у меня телефон отключен, за неуплату. (Вариант: разбил свой по пьянке, бывает, сам понимаешь. Сосед понимал.)

Кто откажет соседу? Мишка поднимает трубку:

– Ой, а у тебя телефон тоже не работает.

Действительно, в трубке тишина. Мишка:

– Ладно, я сейчас пойду, позвоню из автомата, давай заодно тебе мастера вызову. Жди.

Через полчаса в сопровождении Мишки появляется Мастер. На роль мастера приглашался более-менее трезвый собутыльник из соседнего подвального. Мастер, осмотрев аппарат, убеждает соседа в его неисправности:

– У вас сложный аппарат, беспроводной, тут сразу не починить, если хотите, возьму с собой, дня два-три...

Сосед в панике, связь ему нужна. Мастер предлагает решение:

– Я вам могу, конечно, свой оставить, но он мне нужен, сами понимаете, работа.

В итоге сосед выкладывает приличную сумму за старый задроченный аппарат, заклеенный, перемотанный изолен-той. В это время Мишка соединяет провода на лестнице.

– Вот, смотрите, работает. Пока пользуйтесь, а ваш давайте, я почию, принесу завтра.

На следующий день сосед в очередной раз платит, теперь уже за ремонт своего исправного аппарата.

Способ 2. Один из Мишкиных соседей строит дачу, не просто дачу, а загородный дом, водопровод, канализация, центральное отопление. Узнав, когда дома осталась одна соседская жена, Мишка приносит к нему в квартиру два конкретных чугунных вентиля, подходящих для магистрального водопровода, весом килограммов по 50 каждый. Мишка был сильный человек. Где он их взял, неизвестно.

– Привет! Твой муж просил достать, ему надо для водопровода, держи.

Жена в недоумении, типа, я не в курсе. Зачем ему такие?

– Не знаю, зачем, он просил, я достал.

– А сколько стоит? – Муж на строительстве, не позвонить.

– Да ты не переживай, мы потом с ним рассчитаемся. Ну

я их притащил, если не трудно, не нальешь чего-нибудь?

Хозяйка наливает Мишке стакан-другой, тот довольный уходит. Возвращается сосед:

– Чего за хрень в прихожей?

– Мишка говорит, ты у него просил достать какие-то вентили, он принес.

– Да на хера они мне???

Силенок у соседа не хватает вынести железо на улицу. Но и тут из ситуации извлекается максимальная польза. Неожиданно по квартирам начинают ходить постаревшие пионеры, спрашивая, нет ли у вас металлолома? Готовы купить. На самом деле – люди из того же подвальчика. Сосед, желая избавиться от железа, готов не то что продать, а еще приплатить, только заберите. Что и делает. Люди уносят вентили обратно, в результате довольны все.

К сожалению, все еще не сломанные длинные трубчатые кости закончились, и в один из новогодних праздников Мишка проломил череп. Упал, помогли упасть или ударили, так и осталось тайной. Жена к тому времени от него ушла, друзья сделали несколько неудачных попыток вытащить его из сумрака алкоголизма и окончательно поставили на нем крест. Мишка ушел в непрерывный запой, зарабатывая деньги игрой на баяне в подвальчике, и консультировал по вопросам здоровья местных желтоглазых алкашей за сто-две-сти грамм какой-то спиртосодержащей жидкости, подаваемой в распивочной. В любимом подвальчике его так и зва-

ли: Мишка-доктор. В свое время Мишка был врачом замечательным, терапевтом, но не тем терапевтом, с которыми обычно встречаешься в жизни, а настоящим. Мишка помнил все. Пока не было Интернета, он был незаменим. В любое время ему можно было позвонить и задать любой вопрос. Он помнил все болезни, все синдромы, даже описанные всего раза два-три, о которых в советской литературе даже не было упоминаний. Мишка свободно читал на трех языках. Жить с такой головой было трудно, и видимо, в какой-то момент мозг не выдержал нагрузки, а может быть, все началось раньше, здоровый мозг не накопит столько информации. Общался он последнее время только со мной и еще с одним общим приятелем, общался исключительно по телефону, пока телефон не отключили за неуплату. Звонил обычно в три-четыре часа ночи, путая время, начиная разговор с вопроса: «А почему ты не спишь?» Выйти за пределы двора ему не позволяло отсутствие верхней одежды, потерянной, порванной и пропитой. А ехать к нему в гости? Зачем?

В итоге внутричерепная гематома, вовремя не прооперированная, привела к органическому слабоумию и в богадельню под названием «клиника сестринского ухода». Уход там был хороший и быстрый, долго пациенты в ней не задерживались. Но и там Мишка смог отличиться, каким-то образом добыл огонь, хотел что-то закурить, хотя там больным не выдавали сигарет, и устроил пожар. В итоге его перевели в психиатрическую больницу. Узнав об этом, зашел его наве-

стить. Врач на отделении долго меня отговаривала: «Зачем? Пусть вы знакомы с института, он вас все равно не узнает, и вы его тоже». Доктор была права, из палаты вывели совершенно незнакомого старичка, которому было безразлично, кто пришел, зачем. Даже предложение покурить, редкое в дурдоме (я договорился с врачом, она разрешила), не вызвало никаких эмоций. Старичок молча посидел рядом, не реагируя на вопросы, пока два выздоравливающих лося не увели его обратно в палату. Принесенный блок сигарет отдал медсестре, раздавайте больным, в психбольницах сигареты на вес золота, за сигареты психи могут все. Оставил телефон, если что надо – звоните, родственников у него нет. Позвонили через неделю, сказали, что перевели на другое отделение, забыл его номер, но знал, что с этого отделения никто уже не выписывался никогда. Так и вышло, через месяц позвонили, сообщили: умер. Пришлось нам с приятелем заняться похоронами, похоронить самым экономичным классом, не забирая урну из крематория. Куда ее девать? Все равно, где похоронены его родители, мы не знали, да и кто будет навещать могилку? Никто.

Мокрота на ВК

Маленькая реминисценция для любителей грязных историй из интернет-сообщества «Злой доктор».

Смотрю, как тяжело молодежи сталкиваться с окружающим миром, терять иллюзии. Пытаешься успокоить, все через это прошли. Приходилось и самому сталкиваться с иными представителями новой исторической общности людей под названием «советский народ», с гражданами самой читающей и образованной страны мира. Многие запомнились навсегда еще с института.

Помнится, трудился я по ночам санитаром, и одной из моих обязанностей было с утра отнести в лабораторию на анализ образцы различных выделений. Для этой цели предназначается деревянный ящик с продольной ручкой, который испокон веку используется плотниками и больничными санитарями. Объясняю одному из пролетариев, проходящему курс лечения от пневмонии:

– Пожалуйста, в течение дня сплевывайте мокроту в баночку, а утром сдайте на анализ. Если не затруднит, поставьте в тот ящик у черной лестницы, я отнесу.

– Чего сплевывать-то?

– Ну, мокроту. Откашливайте и сплевывайте в баночку.

– Чего?

– Ну харкотину свою, весь день в банку собирай. Понял,

мать твою?

– Да понял, понял, не кричи, чего тут не понять. Во дают, никогда такого не было.

– Утром поставишь в ящик, понял?

Смотрю, у гегемона выделяется много зловонной харкотины, майонезной баночкой не обойтись. Нашел в кладовке банку побольше, литра на три. Аккуратно наклеил сигнатурку: ФИО, отделение, палата. Мокрота на ВК. Отнес, еще раз повторил задание. Переспросил, убедился, что задание усвоено.

Утро. Собираюсь в лабораторию, иду к черной лестнице. Гражданин сдержал свое рабочее слово: банка стояла в ящике, переполненная через край. Но не мокротой, а дерьмом. Не поместившееся стекло по краям банки в ящик, крышка плавала сверху. Судя по слоистости, разному цвету и консистенции слоев, кишечник опорожнялся в банку раза три. Первая мысль: откуда в человеке столько? Или просил помощи у соседей? Вторая: а что мне с этим делать? Одноразовых перчаток в те времена не было, идти, просить у хирургов, потом нести отдельно банку на помойку? Уже было мало времени. Так и отнес в лабораторию в ящике, с наклейкой: мокрота на ВК. Пусть ищут в говне бациллу туберкулеза.

На следующий день ждал если не скандала, то недовольства со стороны лаборантов. Но тишина, наверное привыкли, не в первый раз.

Боря

Так и не научился спать на работе по ночам, и если нечем заняться, считаешь часы до конца смены. От скуки шарить по социальным сетям, из отрывков постов и комментариев собрался рассказ об интересном человеке. Наверное, пора открывать серию «Жизнь замечательных людей».

Лет десять назад на Кольском полуострове, на забытом богом полустанке, где на одну минуту останавливается мурманский поезд, сижу на лавочке возле вокзала. Хотя самого вокзала как бы и не существует, есть только киоск для продажи билетов. Прогуляться негде, в сторону поселка идти не близко, да и незачем, а платформа завалена кучками дерьма и обрывками туалетной бумаги. Проводники останавливающих поездов не считают нужным закрывать на станции туалеты. Закупленное по пути пиво заканчивается, до поезда еще пять часов. Вдобавок стоит влажная жара, что бывает только на Севере, и атакуют комары. Рядом подсаживается явно перебравший накануне гражданин с парой бутылочек пива. Проглотив, открывает вторую. Настроение у человека резко улучшается, человек озирается по сторонам в поисках потенциального собеседника. Вокруг никого, и поиск быстро останавливается на мне.

– Комары достают? Это что! Вот на Ямале – там комары. Вот там гнус. Нас как-то туда на вертолете забросили, посред-

ди тундры. Пилот просит: «Пригнитесь, сдует». Мы сели на корточки, опустили головы, вертолет загудел. Мы сидим, согнувшись. Сидим, сидим, он гудит, думаем – чего ж он не улетает? Кто-то голову поднял, а ветролет-то давно улетел, а то, что гудит, это стая гнуса.

Решив, что заинтересовал меня беседой, начинает знакомиться, представившись начальником местной геологической партии. Следует в командировку в Петрозаводск. Интересуется, чего меня занесло в их края. На этот вопрос мне самому было ответить не просто, я и сам не знал, что именно я тут делаю. Автомобиль «Москвич», купленный у соседа по гаражу за 50 долларов, честно довез меня до берега Баренцева моря, где и был окончательно похоронен. Ехать на нем обратно я не решился, поездка стала совсем не комфортной, через прогнившее днище выпал коврик, и в дождь промокали ноги. А ехать в резиновых сапогах было не очень удобно. «Да так, – говорю, – отдыхаю».

– Случайно не гранаты ищешь? А то многие сюда приезжают, копают. Нет здесь гранатов, ты мне поверь, я уж знаю. Аметисты найдешь, а гранаты можешь не искать. Приезжал тут один, из Питера, водки много привозил, все пытался у меня выяснить, где искать. Ну нету, говорю, нету, сказал бы.

– Да я и не собираюсь, – но рассказ об искателе гранатов заинтересовал. – Его случайно не Борей зовут?

– Борькой, а ты откуда его знаешь?

– Это было лет пять-шесть назад?

– Точно.

– Да есть у меня один друг, одно время вместе в институте учились. А с этими камнями я его тогда на вокзале встречал, он своего друга просил помочь, а друг – меня. Он в поезде несколько тонн породы привез, наломал каких-то камней, потом их дома в порошок крошил, чего-то в них искал. Я как увидел его мешки с камнями, сказал: «На хер, я их в свой “Москвич” грузить не буду».

– Правильно, пустая порода. Мудак ваш Борька. На хера они ему? Слушай, а ты точно камнями не интересуешься? А то могу подсказать, где аметист. Там начинали разрабатывать до войны, я тебе покажу. И вообще тут много чего.

Мужик, чувствуется, ухватился за любимую тему, начал рассказывать о геологическом строении Северной Карелии, Кольского полуострова, об очень полезных ископаемых, добываемых из его недр советской властью. Рассказывал интересно, для поддержания беседы пришлось даже сбежать за пивком в поселок. Жаль, что после очередной бутылки собеседник обоссался и уснул в мокрых штанах, попросив разбудить его перед прибытием поезда.

А Боря был многим хорошо известен. Что-то было в нем от отца Федора, одержимого желанием разбогатеть. Решив, что перестройка – время больших возможностей для предприимчивых людей, начал бросаться в авантюры. Обычные в те годы способы предпринимательства, торговля, рэкет его не интересовали, Боря хотел найти свой путь. Первое, что он

сделал на пути к будущему богатству, – залез в долги и купил дорогущего персидского кота. Кот и правда был хорош, хотя не знаю, стоил ли он заплаченных за него денег или нет. В окрестностях для кота было отловлено пара десятков невест. Когда они принесли первое потомство, полуперсов, кошки были отправлены обратно на помойки, котят мужского пола розданы знакомым, а женского пола оставлены. Когда кошки подросли, кот, как праведник Ной, огулял своих дочерей. Родившиеся от них котята, уже персидские на три четверти по крайней мере, смахивали на персидских. Боря начал ими торговлю, приписывая липовые родословные. Первым итогом кошачьего бизнеса стал уход жены, которая отказалась жить в проссанной кошками квартире. Продать котят с выгодой не удавалось, никто платить за них не собирался, у людей в начале 90-х были другие проблемы. К тому же инбридинг не пошел потомству на пользу, котята оказывались болезненными, бесплодными и глупыми.

От кошек пришлось избавиться, и Боря переключился на обезьян. В Абхазии началась война, и Боря с риском для жизни добрался до Сухуми, где из разоренного обезьяньего питомника вывез нескольких макак и шимпанзе. Как ему это удалось – загадка. Держать дома обезьянку можно, но нужна клетка. В клетку была превращена вся квартира. Но обезьяна высший примат, имеет интеллект и как любое умное существо сволочь редкостная. Ни один опытный кот, никакое другое животное не сможет нанести такой ущерб интерьеру,

как обезьяна. Пусть она даже мелкая мартышка. От квартиры остались голые стены. Куда он дел обезьян, не знаю, не интересовался. Но иногда в газетах, под рубрикой «Происшествия», мелькали заметки о неожиданном появлении обезьянки в городе. Журналисты интересовались, задавали вопрос: «Откуда в городе неожиданно обнаруживалась бесхозная обезьяна?» – и не находили ответа. У Бори осталась одна, довольно крупная шимпанзе. Прижившись в его квартире, она постоянно возвращалась домой. Да и одинокий к тому времени Боря привязался к симпатичной шимпанзе, видимо, она заменяла ему семью. Он гулял с ней по улицам, часто его можно было встретить сидящим с ней в кафе. Обезьяна вела себя примерным образом, сидела за столиком, привыкла пить и даже полюбила кофе. Правда иногда с соседних столиков воровала печенье, но делала это так ловко, что никто не успевал заметить, куда подевалось песочное колечко с блюдца.

Следующей Бориной идеей стало разведение собак. Почему-то была выбрана известная порода ньюфаундленд, собака замечательная, но с ограниченным кругом желающих ее любить и держать дома в квартире. Под собачью ферму были приобретены два участка в дальнем садоводстве под Волховом, две собаки, но на этом дело остановилось. Кобель-производитель, на которого рассчитывал Боря, породистый водолаз, живший у его друга, подвел. То ли оказавшись импотентом, то ли просто не признавший Бориных полупороди-

стых сук.

На этом зоологический бизнес прекратился, хотя в его квартире еще можно было встретить каких-то попугаев и грызунов. Но это скорее для души. Тогда Боря решил, что в душе он инженер и даже в чем-то еще и изобретатель. Какие-то занятия строительством, ремонтом, установкой сейфов и стальных дверей хотя и приносили доход, но не давали радости. Тогда Боря предложил услуги рекламному агентству. Там заинтересовались его идеями и дали работу. Боре предстояло сконструировать и собрать некий стеклянный кубик. Кубик должен был вращаться, светясь изнутри, а на гранях высвечиваться информация, текст, картинки. Кубик, к слову сказать, был построен и долго стоял в сквере у Советской улицы и даже светился, но не вращался. Вращался он единственный раз, включенный Борей по ошибке, в момент, когда внутрь залез электрик, монтировать лампочки. Боря не заметил электрика внутри полупрозрачной конструкции и отошел любоваться работой. Вращение прекратилось навсегда, когда провод, протянутый электриком внутрь куба для питания электродрели, намотался на ось и разорвался, устроив внутри короткое замыкание. Удар тока выбросил работника наружу, через стеклянную грань куба. Электрик, к счастью, отделался мелочами, царапинами на лице и переломом предплечья. Больше всего его расстроила потеря инструмента.

С тех пор о Боре пошла слава. Никто больше не желал

с ним сотрудничать, никто не проникался его бизнес-идеями. Партнеров стало найти трудно. В те годы набирал обороты челночный бизнес, и на нем можно было если не приподняться, так хотя бы заработать начальный капитал. Но в эпоху развитого бандитизма заниматься им в одиночку было небезопасно, с собой товар, валюта, и челноки ездили группами. Брать в свою команду Борю никто не хотел, Боря был известен своими провалами. В те времена получить загранпаспорт можно было только имея приглашение из заграницы, и я признаюсь: поддавшись на Борины уговоры, попросил своих родственников прислать приглашение на его имя. Но ехать с ним я отказался, боже упаси. Боря прокатился пару раз в Польшу, нагрузив баулы изделиями отечественной промышленности, которые славились своим весом и металлоемкостью. После перевозки мешков с породой для него это был не груз. Почему-то особенным спросом в Польше пользовались детские заводные игрушки, железные скачущие лягушки, петушки. После этих поездок квартира Бори стала складом ножей-бабочек. Одно время это была модная игрушка, каждый уважающий себя реальный пацан обязан был носить ее в кармане своих широченных штанов. Но мода на них быстро закончилась вместе с Бориным челночным бизнесом и модой на широченные штаны. Возможно, Боря окончательно насытил ножичками наш тогда еще хрупкий питерский рынок.

Неожиданно Боря исчез. Были мысли – а жив ли? Никто

о нем не слышал, никак он себя не проявлял. Но недавно встретился с приятелем, который еще в 80-х свалил на свою историческую родину. Посидели, вспоминали общих знакомых, дошли до Бори. Оказалось, жив Боря, Боря тихо живет в Израиле, работает, говорят, скучает. Ничем необычным не выделяется, маловата страна, нету простора для Бориных идей.

Порхов

Как-то возвращаясь из Пскова по Киевскому шоссе, притормозил у указателя «Порхов». Задумался, а стоит ли городок того, чтобы, свернув с трассы, проехать до него почти сотню километров? И что я вообще знаю о городе Порхов? Знаю, что такой есть. Уже немало. Слышал, что в нем сохранились развалины крепости. А еще знаю, что в 80-е годы там жили серьезные мужики, которым за две недели удалось сделать то, чего в течение шести лет так и не смог добиться весь профессорско-преподавательский состав нашего института. Было так:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.